18+

Евгений Контур

Наследие Кассиана. Книга 2

Война кончилась. Игра только началась.

Евгений Контур

Наследие Кассиана. Книга 2. Война кончилась. Игра только началась

«Издательские решения»

Контур Е.

Наследие Кассиана. Книга 2. Война кончилась. Игра только началась / Е. Контур — «Издательские решения»,

Второй год восемнадцатилетний Кассиан, правитель Тарнхолла, слышит камень, а в его голове живёт воин из другого мира, которыйзнает больше, чем говорит. Пока союзные бароны считают копья, из столицы приходит вызов на трибунал, империя предлагает признание за подпись, а вельды идут к городу, у которого нет стен. У Кассиана есть счёт: стрелы, лошади, хлеб, дни до голода. И Лиандра, которая считает то же самое, только честнее. Он хочет не победы, а права решать сам.

© Контур Е.
© Издательские решения

Содержание

Наследие Кассиана Книга 2 6
Глава 1. Пустая дорога 6
Глава 2. Бумага 10
Глава 3. Перевалы 14
Глава 4. Долина 18
Глава 5. Связь 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Наследие Кассиана. Книга 2
Война кончилась. Игра только началась

Евгений Контур

© Евгений Контур, 2026

ISBN 978-5-0071-7124-3 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-7120-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наследие Кассиана Книга 2

Глава 1. Пустая дорога

Весна пришла в Тарнхолл ночью, без капели и без ветра, и утром никто не мог сказать, когда именно. Над южным склоном стоял туман, и в нём пахло мокрой землёй вместо дыма.

Кассиан поднялся на западное прясло первым. Не по службе, служба начиналась после завтрака, а потому что лежать и считать трещины на потолке больше не получалось: все семь он заделал ещё осенью, и потолок стал ровный, гладкий, честный, как совесть праведника.

Прясло держалось. Он положил ладонь на камень, и камень отозвался ровно и сыто, как спящая собака, которой не хочется просыпаться. Ни трещины, ни шёпота, ни той едва слышной фальши, на которой он ловил врага всю зиму.

— Хорошая работа, — сказал Кассиан вслух.

Прясло не ответило. Скромное.

Он прошёл вдоль стены, потому что за зиму привык ходить по ней, как ходят по собственной комнате. В двух местах выступила известка, и он стёр её ладонью и посмотрел, что под ней: камень был целый. В третьем месте, у поворота, лежал скол, оставленный ещё осенью, и он вспомнил, кто его оставил и почему.

Стена была его работа. Он собирал её сам, с каменщиками, весь год, и знал каждый камень, который ставил на место не так, как говорили, а так, как слышал. Иногда получалось лучше. Иногда каменщики спорили, и он уступал, потому что они учились этому всю жизнь, а он год.

Внизу просыпался двор. Кто-то таскал воду, кто-то ругался на кухне из-за дров, у коновязи седлали лошадь. Всё это было слышно сверху так ясно, будто стояло рядом, и он постоял ещё немного, слушая, потому что ничего лучшего за этот год ему не досталось.

Стрел было на четыре сражения, три тысячи с небольшим. Веллан считал их три дня, потом пересчитал утром и велел пересчитать ещё раз, потому что стрелы, по его убеждению, имели привычку либо размножаться в темноте, либо тихо утекать со склада вместе с писарями. Хлеба хватало на два месяца, если произносить слово «экономия» всерьёз, а не так, как произносил его граф, с лицом человека, читающего молитву о посте. Вяленого мяса было на месяц. Людей с оружием — восемь сотен своих и триста с лишним пришлых: люди Олдрика, ардэнские ополченцы, молчаливые родичи мелких баронов, которых Кассиан различал по шрамам, потому что имён не различал никто. Гарлан обещал прийти со всеми, кто у него есть, но принадлежал к породе людей, которые сначала делают, а потом пишут, и письма от него не было уже месяц.

— Ты рано, — сказала Лиандра.

Он не обернулся. Она умела подходить так, что слышно было только лук о пряжку. Коса мокрая, туника не заправлена, лицо заспанное и злое, как у человека, которого подняли ни по его воле, ни по его вине.

— Ты тоже.

— Я по делу. — Она поставила локти на камень рядом с его локтем. — Ты помнишь, что я тебе обещала?

— Ты обещала мне много всего. Половину я забыл.

— Взыщу. — Лиандра повернула голову. — Вот. Взыскиваю. Сегодня ночью ты спишь. Всю ночь. До утра. Как человек.

— Вельды не спят.

— Вельды спят, — сказала она с полным знанием дела. — Между штурмами. Это ты спишь вместо них. С прошлой осени.

Кассиан посмотрел вниз. Дорога была пустая, и лужи в колее стояли ровно, как налитые.

— А если ночью что-нибудь?

— Тогда я тебя разбужу. — Она помолчала. — Или не разбужу, и утром ты узнаешь, что всё закончилось без тебя. Это, кажется, называется «править».

Он хотел сказать, что так не называется ничего хорошего, но на лестнице уже топали.

Лёнька взлетел на прясло так, будто за ним гнались, и первые три секунды только дышал: руки на коленях, блокнот под мышкой, уши красные.

— Ваша милость. Южная дорога пуста.

— Пуста, — повторил Кассиан.

— Совсем. Я посылал двоих, они дошли до развилки. Ни обоза, ни следов, ни дыма над перевалами. — Лёнька выпрямился и заговорил быстрее, потому что молчать с новостью ему было тяжелее, чем говорить. — С юга три дня никто не шёл. Ни купца, ни пастуха, ни бродяги. Тракт как вымыли.

— А вельды?

— Вельдов нет.

Кассиан ждал, что мальчишка добавит «пока нет», «я слышал», «мне кажется». Лёнька не добавил ничего. Он стоял и смотрел, и в глазах у него было то, чего там не было даже в ночь, когда пришла весть о двадцати тысячах.

* * *

В кабинете пахло чернилами и мокрой шерстью. Окно запотело, печь гудела, Стоун грел над ней руки, как будто весна его не касалась.

— Двадцать тысяч не исчезают, — сказал Гарт со скамьи. — Они либо идут, либо стоят. Третьего не бывает.

— Стоять двадцатью тысячами нельзя, — сказал Стоун, не оборачиваясь. — Их надо кормить. Каждый день.

— Значит, идут.

— Значит, не к нам, — сказал Веллан.

Он развернул карту, придавил углы чернильницей и подсвечником, провёл пальцем от Тарнхолла на юг и остановился там, где дорога раздваивалась.

— Три дня тишины. Разъезды на юге не видели ни одного вельда. Зато с перевалов не пришло ни одного гонца, а мы ждали двоих. — Граф поднял голову. — Ваша милость, пустая дорога дороже осады. Осаду я умею. Тишину — нет.

Кассиан смотрел на карту. Красная линия дороги, чёрточки перевалов, две деревни, названия которых Веллан каждый раз произносил по-разному, потому что на карте их не было.

— Что предлагаете?

— Разъезды в перевалы. Не по два человека, по десять, и с хлебом на неделю. — Веллан начал загибать пальцы, и это было хуже любой осады. — Письма Олдрику и в Ардэн: пусть смотрят южные тракты. Деревням указ: при первых вестях уходить, скот гнать с собой, хлеб в подпол не прятать, потому что подпол не спасает, а выдаёт. — Он загнул последний палец. — И ещё одно. Вы, ваша милость, должны перестать ходить на стену ночью один. Это не оборона. Это привычка.

— Привычка, — согласился Кассиан.

— Плохая.

— Хорошо, граф. Не буду. С ночи.

— С ночи, — повторил Веллан. — Прекрасно. Я занесу это в список ваших обещаний, между «не лезть в первые ряды» и «не считать вслух».

— Там уже тесно?

— Там уже отдельная книга.

— Разъезды в перевалы — это сорок человек и восемь подвод, — сказал Гарт. — Восемь подвод у нас есть, а сорока человек нет. Я сниму с южной стены.

— Снимешь с южной, а на южную кто встанет?

— Стоун.

— Стоун тебе не мальчик.

— Стоун сам вызвался, — сказал Гарт. — Говорит, ему всё равно не спится.

Стоун у печи не обернулся, но по его спине было видно, что он слышит.

Гарт хмыкнул. Стоун повернулся от печи и посмотрел на Кассиана так, как смотрят на человека, который обещает не пить при открытом кувшине. Лиандра у двери ничего не сказала, но и она, кажется, всё слышала.

— Разъезды отправьте сегодня, — сказал Кассиан. — Письма тоже сегодня. И ещё. Лёнька.

Мальчишка вырос из угла.

— Слушаю, ваша милость.

— Мне нужны не только вельды. Мне нужно всё, что говорят на юге: купцы, пастухи, погорельцы, бабы у колодца. Если на тракте тихо, кто-то знает почему.

— Знаю, ваша милость. Уже слушаю.

Лёнька не стал ждать второго приказа.

Совет расходился медленно, как расходится всё, что кончилось ничем. Веллан задержался, собрал карту и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Хлеба на два месяца. Если воевать не начнут раньше, чем через два месяца, у нас будет очень хороший год.

* * *

К вечеру туман поднялся, и с прясла стало видно дальше, чем хотелось. Дорога уходила на юг, пустая, ровная, и на ней не двигалось ничего, кроме воды в колее.

Кассиан смотрел, пока не замёрзли руки.

К сумеркам дорога покраснела, и на ней не осталось ни одного свежего следа.

— Тишина тоже ответ, — сказал Максим.

Голос был хриплый и очень близкий, ближе, чем обычно, как будто он стоял за плечом.

— Просто не тот, которого ты ждёшь, — сказал Кассиан.

— Верно. — Пауза. — Тебе повезло, что он вообще есть. Хуже, когда не отвечает никто.

Кассиан не стал спрашивать, откуда он это знает. На такие вопросы Максим отвечал либо молчанием, либо словом «потом», и оба ответа его не устраивали.

Он спустился во двор, где Тим ждал с фонарём, переминаясь с ноги на ногу, и с таким лицом, будто ему сейчас сообщат что-то важное и плохое.

— Господин. Вам постелили. И я поставил у двери кувшин. И хлеб.

— Спасибо, Тим.

— И ещё. — Тим проводил его до крыльца и остановился. — Я слышал, вы сегодня будете спать.

— Все так говорят.

— Это хорошо, — сказал Тим серьёзно. — Так всем будет спокойнее.

Кассиан посмотрел на его дрожащие руки, на фонарь, который он держал двумя руками, как держат щит, и не стал говорить, что спокойнее всем будет, когда дорога перестанет быть пустой.

— Ты сам-то спать будешь? — спросил он.

— Буду, — сказал Тим. — Я у двери лягу. Тут не дует.

— У двери холодно.

— Я знаю. — Тим переложил фонарь в другую руку. — Зато если что, вы меня первый увидите.

Он сказал это просто, без жалобы, и Кассиан вдруг понял, что мальчишка за этот год вырос ровно настолько, чтобы начать говорить такие вещи, и что это, пожалуй, худшее, что с ним случилось за зиму.

Ночью он лёг. Разделся, лёг, закрыл глаза и пролежал так, кажется, целую вечность.

Лежать было неудобно, и он долго устраивался: подушка казалась низкой, одеяло тяжёлым, а тишина такой густой, что в ней было слышно собственное сердце. За стеной ходил сторож, и шаги его были ровные, заученные. Внизу, в караулке, кто-то тихо разговаривал и один раз засмеялся, и смех оборвался, будто человек вспомнил, что не время.

Он попробовал считать эти шаги, чтобы заснуть, и на двадцатом сбился, потому что сторож остановился.

И тогда он понял, что не спит не от дороги и не от вестей, а оттого, что не знает, где сейчас вельды. Это было хуже любой боли: человек может терпеть голод, холод и страх, но не может терпеть пустое место на карте.

Он встал.

Оделся в темноте и пошёл на прясло.

Лестница была холодная, камень под ладонью мокрый, и на площадке стоял часовой, который сначала схватился за копьё, а потом узнал и вытянулся.

— Тише, — сказал Кассиан. — Стой как стоял.

Он прошёл до поворота и положил руку на камень у самого угла, где стена принимала на себя ветер. Камень был холодный и совершенно спокойный.

Он постоял так, пока не замёрзли пальцы, и поймал себя на том, что слушает стену, как слушают человека, который может сказать что-то важное и молчит из вежливости.

Камни молчали, и молчание было честное, как у вещей, которым нечего скрывать. Дорога на юг была пуста.

Он простоял на прясле до серого света и ушёл только тогда, когда внизу начали открывать кухню, потому что нельзя, чтобы люди видели правителя на стене в ту ночь, когда он обещал спать.

За ночь по дороге не прошёл никто.

Глава 2. Бумага

Гонец приехал на второй день, к полудню, когда туман уже сошёл и с прясла стало видно, как за рекой чинят мост.

Конь под ним был загнанный, плащ в грязи до пояса, а за поясом кожаная сумка, которую гонец придерживал рукой даже когда слезал.

Кассиан вышел на крыльцо сам, не дожидаясь, пока за ним придут.

— Ваша милость. — Гонец поклонился быстро, по-военному. — Из столицы. Регентский совет. Печать.

Он ехал двое суток и последнюю ночь не спал. Пальцы у него не разгибались, и ковш с водой он взял двумя руками, а пил долго, отводя глаза, как пьют люди, которые не хотят, чтобы видели, как им плохо.

— Конь дойдёт? — спросил Кассиан.

— Конь дойдёт, — сказал гонец. — Он умнее меня. Он бы давно встал, если бы мог.

Кто-то из конюхов уже отвязывал сумку с седла, и гонец следил за ним глазами, пока сумка не оказалась в руках у Веллана, и только потом выдохнул.

Печатей было две, на одном листе, и обе настоящие. Кассиан сломал воск, развернул, прочитал про себя, потом вслух, чтобы Веллан, стоявший рядом, не переспрашивал:

— «Явиться в столицу к трибуналу над бароном Хэмишем, наместником Ардэна, для дачи свидетельских показаний, а также для ответа по делу о пограничной армии, разбитой в прошлую кампанию, в части, касающейся управления юго-западными крепостями и расходования средств, отпущенных на их содержание».

— Так и есть, — сказал Веллан. — Я прочитал ещё утром.

— Здесь два дела в одном листе. Меня зовут свидетелем и ответчиком сразу.

— Свидетелем зовут того, кого потом назовут. — Граф помолчал. — Это не приглашение, ваша милость. Это приговор, к которому ещё подбирают слова.

В сумке нашлось второе письмо, сложенное вчетверо, без печати и без имени на обороте, на серой канцелярской бумаге. Кассиан узнал почерк раньше, чем прочитал: ровный, тесный, каким пишут люди, которых учили писать красиво и быстро.

«Брат. Совет ищет, на кого свалить разбитую армию. Пока ищут, сиди. Приедешь, найдут быстро. Дэррик».

— Впервые за год брат написал что-то, что стоит перечитать, — сказал Кассиан и перевернул лист.

На обороте было ещё три слова, совсем мелко: «И не пиши мне».

— Что будет, если я не поеду? — спросил он.

— Объявят ослушником. — Веллан говорил так, будто читал приговор, и от этого список казался длиннее, чем был. — Печать под вопросом. Жалованье гарнизону под вопросом. Право судить и миловать под вопросом. Дальше по списку.

— А если поеду?

— Тогда будет трибунал, на котором судьи уже знают, кого винить. Вас зовут не свидетельствовать. Вас зовут стоять и молчать, пока читают бумаги, а потом вернуться домой и благодарить. — Граф поднял глаза. — В столице вы нужны не как свидетель и даже не как обвиняемый. Вы нужны там как согласие.

— Значит, не поеду, — сказал Кассиан.

— Значит, едет кто-то, кто умеет стоять и молчать.

— И кто умеет считать.

— Еду я, — сказал Веллан. — Меня можно уволить, сослать, выгнать без жалованья и без земель. Меня нельзя сломать, потому что я не герой. Вас нельзя уволить. Вас можно только сломать.

Кассиан хотел сказать, что граф говорит о себе неправду, и не сказал, потому что это было бы спором о словах, а у них оставалось время только на дела.

— Что повезёте?

— Списки погибших. Расходы. Приход и расход хлеба, стрел, гвоздей и свечей. Ответы на их вопросы, все, какие я смогу придумать вперёд. — Веллан загнул последний палец. — И бересты.

Сундук он собирал сам, никому не доверив, и это заняло полдня. Списки лежали в одном отделении, деньги в другом, деньги были не его, а крепостные, и он записал в книжечку каждую монету, которую брал, будто вёз их не в столицу, а на войну.

— Сколько весит? — спросил Кассиан.

— Сорок с лишним фунтов. — Веллан поднял крышку и посмотрел на своё хозяйство. — Для лошади пустяк, для человека — половина спины.

— Возьмёте вторую лошадь.

— Возьму. И третью, если дадите: копии я оставлю здесь, а подлинники повезу, и в дороге придётся возить их при себе. Не потому, что я вам не доверяю. Потому что в столице у меня комнату уже один раз читали, год назад.

Дела он передал Гарту, а ключи от склада — Мортимеру, и Мортимер, принимая их, сказал, что предпочёл бы, чтобы граф вернулся сам, потому что ключ — вещь тяжёлая и отвечать за него придётся головой.

— Какие бересты?

— Лёнькины.

Лёнька пришёл через час, с сумкой через плечо, такой тяжёлой, что она тянула его набок. В сумке лежали дощечки: гладко срезанная береста, обожжённый край, угольные строки, у каждой в углу свой значок, у кого крестик, у кого колесо, у кого рожица в три штриха.

— Тут всё, ваша милость. Кто что слышал, где, когда, при ком. — Он выкладывал дощечки на стол по одной, как выкладывают деньги, которые копили год. — Вельды у третьей башни, люди с востока на южном тракте, кузнец из-под Ардэна, который продал два меча не туда. Всё писано углём, рукой. Бумагу подделать можно. Бумагу у нас всякий писарь подделает. А чужую руку — нет.

— Заберу в столицу, — сказал Веллан. — Верну.

— Обещаете?

— Обещаю.

Лёнька отдал сумку. Потом постоял, потом всё-таки спросил:

— А их там читать будут?

— Их там сначала понюхают, — сказал Веллан. — Береста пахнет дымом, а дымом в канцеляриях не пахнет. Уже это одно их разозлит.

* * *

Писем Веллан написал одиннадцать. Восемь из них переписал, два выбросил, а одно, самое короткое, положил за подкладку плаща и там зашил.

— Это кому? — спросил Кассиан.

— Никому. — Граф подул на пальцы, которые исколол иглой. — Это на случай, если меня остановят и спросят, где копии. Тогда я скажу, что копии при мне, и покажут они мне не сразу.

— А если найдут?

— Тогда найдут письмо без адреса и без подписи. — Веллан спрятал нитку в карман. — В столице таких писем у каждого второго советника. Их не читают, их взвешивают: чем тяжелее, тем человек важнее.

Лиандра ждала его во дворе, у колодца, с луком через плечо и с выражением лица, которое Кассиан выучил за зиму: она уже всё знала и ждала, когда он начнёт врать.

— Ты не поедешь, — сказала она. Не спросила.

— Не поеду.

— Значит, так. Тогда почему у тебя лицо человека, который уже собрал вещи?

— Потому что поедет граф.

— Веллан? — Она посмотрела в сторону комендантского дома. — Он же хромает. И спит на бумагах.

— Он умеет вести бумаги. В столице это важнее, чем ходить ровно.

— И спать на бумагах.

— Это он тоже умеет. Бумаги, кажется, не обижаются.

— Тогда пусть едет, — сказала Лиандра. — В столице как раз любят людей, которые не мешают.

Она не отошла.

— Если бы поехал ты, я бы поехала с тобой. Знай.

— Поехала бы, — сказал он.

— И стрелы бы взяла.

— Знаю, Лиандра.

— И стрелы бы всё равно остались за мной.

Она ушла к лучникам, а Кассиан ещё немного постоял у колодца, глядя на ведро, из которого капало в темноту, и думая, что за последний год ему ни разу не удалось поссориться с ней так, чтобы выиграть.

* * *

Обоз пришёл к вечеру, когда ворота уже собирались запирать: восемь подвод, четыре десятка людей, соль в бочках и железо в крицах, стянутых верёвкой. Сторож на башне крикнул вниз, что едут не к нам, а мимо, но подводы свернули к воротам, и старший слез с передней сам, без приглашения.

Он был в сером сукне, чистом, как будто дорога под ним была вымыта, и в перчатках, хотя весна уже позволяла ходить без них.

— Ваша милость. — Поклон ровно такой, какой положен правителю крепости от человека с товаром. — Везём соль и железо. Соль сухая, железо не ржавое, цена ниже ардэнской на треть.

— На треть? — переспросил Кассиан.

— На треть.

— Почему?

— Потому что соль нужна всем. — Купец улыбнулся уголком губ. — Даже тем, кто воюет. Особенно тем, кто воюет.

Веллан подошёл сбоку, будто случайно, и посмотрел на подводы, на людей, на сапоги этих людей.

— Как вас звать? — спросил Кассиан.

— Купцом, ваша милость. — Он снова поклонился на тот же угол. — Имя вам не продадут. Имя — это единственное, чего у меня в обозе нет.

Веллан пересчитал бочки сам, не доверив никому, и записал в книжечку: девять. Потом пересчитал ещё раз и записал восемь, потому что одна была почата и стояла отдельно, у самой стены.

— Початая тоже наша, — сказал старший.

— Початая пойдёт в счёт, — сказал Веллан. — Её всё равно нельзя везти.

— Можно. — Купец не стал спорить.

Соль выгрузили, железо выгрузили, расписку написали и приложили печать, и всё это заняло меньше времени, чем заняло бы у настоящего купца торговаться.

Работали они так, как работают люди, которых за это бьют: двое держали, третий ставил, четвёртый уже шёл за следующим. Никто не ругался, никто не отдыхал, никто не пил воду из бочки, стоявшей в тени, хотя день был тёплый и вода была своя.

Лошади у них были сытые и стояли ровно, и это заметил даже Тим, который в лошадях понимал только то, что они кусаются.

— Господин, а чего они не потеют? — спросил он.

— Потому что шли шагом, — сказал Кассиан. — Восемь подвод шагом — это медленно.

— А купцы всегда медленно?

Кассиан не ответил, потому что ответ был «нет». Люди обоза работали молча, по двое на бочку, и когда один ронял край, второй подхватывал раньше, чем Кассиан успевал это заметить.

— У купца охрана держит строй, — сказал Стоун, глядя им вслед с крыльца. — Купцы так не ходят.

— И сапоги одного покроя, — сказал Веллан тихо. — На сорок человек. Где вы видели купца, который обул всех своих за свой счёт?

— Дёшево, — сказал Кассиан.

— Дёшево, — согласился Веллан.

Веллан нашёл монету, когда подняли первую бочку: она лежала в щели между днищем и поддоном, стёртая, с орлом на одной стороне и с чем-то неразборчивым на другой. Он повертел её на ладони, понюхал зачем-то, потом завернул в тряпицу и убрал за пазуху.

— Что это? — спросил Кассиан.

— Пока не знаю, — сказал Веллан. — Но за такую соль платят не солью.

Купец уехал, не торгуясь, не прося постоя, не задержавшись ни на минуту дольше, чем нужно было на разгрузку. Остались соль, железо, расписка и красная глина на колёсах, какая-то не наша, слишком светлая для здешних дорог, и этот запах чужой земли во дворе не выветривался до самой ночи.

Кассиан постоял над бочками, посчитал их дважды, потом посмотрел на Веллана.

— Готовьте бумаги, граф. Все, какие есть.

— Уже, — сказал Веллан. — С прошлой ночи.

— И ещё. Возьмите с собой человека, который умеет не спать.

— У нас такой один, — сказал граф. — И он остаётся здесь, потому что крепость без него развалится за месяц.

Глава 3. Перевалы

Разъезд вернулся на третий день к вечеру, и первое, что все услышали, был не доклад, а хрип лошадей. Кони шли шагом и дышали так, будто им под седло набили камней.

Десятника звали Ольхой, за глаза и в лицо, потому что настоящее его имя никто не помнил, а он не напоминал. Он слез, отдал повод и попросил воды прежде, чем поздороваться, и Кассиан не стал его торопить.

— Мост у Кривой сожжён, — сказал Ольха, вытерев рот рукавом. — Только его сначала разобрали.

— Как разобрали?

— Гвозди вынули, ваша милость. Все, до последнего. Доски сняли, сложили в кучу и уже потом подожгли. — Он посмотрел на Кассиана. — Так мост не ломают. Так его уносят.

— Что в деревнях?

— Ключи сожжены. Сухой Лог сожжён. — Ольха помолчал, и это молчание было хуже слов. — Тел нет.

— То есть как нет?

— Ни одного, ваша милость. Ни своего, ни чужого. Людей увели. Скотину угнали. Хлеб забрали весь, до последнего мешка, а что не забрали, то сгорело. — Он снова помолчал. — И печи стоят.

Кассиан не понял, и Ольха, увидев это, объяснил, как объясняют простую и неприятную вещь:

— Кто жжёт со зла, тот и печь разбивает. Печь — это дом. А тут печи целые. Значит, не со зла. Значит, с расчётом.

— Вельдов видели?

— Ни одного. Тракт пустой на три перехода, и трава примята строем, а не толпой. Они шли как мы, ваша милость. Ряд за рядом.

Ольха привёл восемь человек из десяти и трёх лошадей из шести. Двое суток они не спали и последние полдня шли пешком, ведя коней в поводу, потому что кони уже не везли.

Один, молодой, сидел на земле у колодца и не мог разогнуть пальцы: так держал повод.

— Что видели ещё?

— Пепел, — сказал Ольха. — В Ключах печь треснула от жара, а труба стоит. В Сухом Логу колодец целый, и ведро на верёвке, и воды в ведре на два пальца. — Кто-то пил и ушёл, — добавил он тише.

— Вельды?

— Люди, — сказал Ольха. — Вельды бы ведро забрали. Оно хорошее.

Принёс он немного: обгоревшую пряжку, детскую ложку и кусок тетивы, обугленный с одного конца. Всё это он выложил на стол и отошёл, будто извиняясь, что принёс так мало.

* * *

В кабинете к вечеру стало тесно. Кроме своих пришли союзники: Олдрик, старый, с руками в набухших венах, и молодой барон Керн, который ещё не научился сидеть так, чтобы не показывать, что ему неудобно.

— Мост и две деревни, — сказал Веллан, когда Ольха кончил и вышел. — Это не грабёж. Грабят, когда берут то, что лежит. Здесь забрали железо, скот, хлеб и людей, а мост сняли до последнего гвоздя. Докладываю коротко: у вельдов есть инженеры. Или у тех, кто их послал.

— И эти инженеры считают, — сказал Гарт. — Значит, у них есть цель, которая дороже деревень.

— Ардэн, — сказал Кассиан.

Никто не сказал «не может быть». Со спором было бы легче: спор кончается, а согласие нет.

— Тогда надо выходить, — сказал Гарт. — Сейчас, пока дороги не просохли совсем и мы можем тащить обозы.

— Кто выходит? — спросил Олдрик. Не резко, а как человек, который хочет услышать цифру. — У меня в Тарнхолле стоит три сотни. В поле я приведу сотню, и то не сразу.

— У меня тридцать копий, — сказал Керн. — Если я уведу их из Лощины, Лощина останется без копий. У каждого своя крепость, ваша милость. В поле мы не нанимались.

— Куда пойдут вельды, если пройдут перевалы? — спросил Кассиан.

Керн не ответил.

— В Лощину они придут последней, — сказал Кассиан. — Сначала они возьмут тех, у кого нет тридцати копий. Потом тех, у кого тридцать. Потом придут к тебе и предложат открыть ворота, потому что открыть будет уже некому. Я не прошу всех. Я прошу половину.

Олдрик посмотрел на него долго, потом сказал:

— Половину он просит, а заберёт всех, кто согласится. — И, прежде чем кто-нибудь успел обидеться: — Я даю сотню. Больше нет, и не проси.

Керн помолчал и сказал:

— Двадцать.

— Двадцать, — согласился Кассиан. — И ещё одно. Тем, кто остаётся в крепостях, я оставляю приказ: если на горизонте больше двух сотен — не выходить в поле. Сидеть. Считать дни. Ждать.

— Считать дни, — повторил Керн так, будто ему велели молиться.

— Считать дни, — сказал Кассиан. — Кто умеет ждать, тот дольше живёт.

* * *

— Тарнхолл я оставляю на вас, — сказал он Стоуну, когда все разошлись.

— Знаю, — сказал Стоун. — Я уже велел вынести свою постель в комендантский дом. Там теплее.

— Вы не обиделись?

— Я не девка, чтобы обижаться. Я барон.

— А это не одно и то же?

— Нет, — сказал Стоун. — Девка бы обиделась. — И посмотрел на него, потом всё-таки добавил, потому что молчать до конца было не в его привычках: — Я тут родился, ваша милость. И умру здесь, если повезёт. А вы пришли сюда на год и стали правителем. Мне это не нравится, но это так. Кто-то же должен сидеть в крепости и считать, сколько вы не прислали.

— Сколько я не пришлю?

— Именно.

— А если я пришлю за вами в Ардэн?

— Присылайте. — Стоун пошёл к двери, потом обернулся. — Я в Ардэне не чужой: держал его стены одиннадцать лет назад, пока не позвали сюда. Дом у меня здесь, а дело там. И вот что, мальчишка. В первые ряды не лезь. У тебя лицо человека, который хочет быть первым, а нам тут нужен правитель, а не украшение.

* * *

Лиандра пришла в оружейную, когда он разбирал с Гартом, что брать в поле.

В оружейной пахло маслом и старой кожей. На полках лежали наконечники, связанные по десятку, и Гарт перебирал их, откладывая ржавые в отдельную корзину, и говорил, что ржавый наконечник — это не наконечник, а надежда.

Стрел было меньше, чем он думал. Он считал их утром вместе с Велланом, но с тех пор часть ушла в разъезды, часть осталась в колчанах у стены, и теперь выходило, что на четыре боя их хватит только при хорошем счёте, и это надо было сказать вслух.

— Сколько? — спросил он.

— На четыре больших боя, — сказал Гарт. — Если бить залпами, а не так, как в логу.

— А если хуже?

— Если хуже, то на два. — Гарт положил наконечник. — Хуже стреляют, когда торопятся, а торопятся, когда наступают. Мы не наступаем.

Она не спросила, уходит он или остаётся, не спросила, берут ли лучников, вообще ничего не спросила. Молча достала с полки два колчана, проверила оперение на стрелах, отобрала три и отложила в сторону как негодные.

— Ты остаёшься, — сказал Кассиан.

— Нет. — Она даже не подняла головы.

— Лиандра.

— Нет. — Она наконец посмотрела. — Я тебе не лук, чтобы меня вешать на стену для красоты.

Гарт отвернулся к ящику с наконечниками и стал очень внимательно считать наконечники.

— Сколько стрел возьмёшь? — спросил Кассиан.

— Столько, сколько смогу унести.

Больше об этом не говорили.

Гарт всё ещё считал наконечники и, судя по движению губ, считал вслух.

— Восемь сотен, — сказал он наконец. — Если считать, что часть в дороге потеряется.

— Потеряется, — сказала Лиандра.

— Я и говорю: восемьсот.

Кассиан смотрел на них и думал, что за этот год не слышал от них ни одного разговора, в котором не было бы числа, и что так, кажется, теперь будет всегда.

* * *

Деревни вокруг Тарнхолла выгребли за два дня. Двадцать копий, сорок луков с запасом тетивы, топоры, рогатки, мешки с гвоздями, которых в хозяйстве всегда не хватает.

Копья раздавали не всем, а тем, кто умеет держать. Мужики выходили по одному, брали копьё, пробовали на вес, и кузнец из Тарнхолла, приехавший с ними, тут же, у телеги, подправлял втулку и говорил, чтобы не размахивали, а кололи, и что копьё — это не палка, чтобы ею крутить.

— А если у меня руки слабые? — спросил один, молодой, с обмотанной ладонью.

— Тогда вставай во второй ряд, — сказал кузнец. — Во втором ряду руки не так нужны.

Гвозди считали и записывали на бересте. Их оказалось больше, чем копий, и это почему-то всех обрадовало: гвоздь — вещь понятная, им можно заколотить что угодно, и в дороге он не требует ни уменья, ни хранения.

Рогатки ставили тут же, показывая, как: две жерди, бревно, верёвка, и не на открытом месте, а там, где дорога сужается сама. Мужики смотрели и кивали, и один сказал, что это как загон для скота, только для людей.

— Для людей, — согласился Кассиан. — Только скот в загон заходят, а эти нет. Значит, надо, чтобы не вышли.

Кто оставался, тому оставляли луки и приказ. Кто уходил, тот шёл с обозом и с хлебом, и в этом не было выбора: хлеб, оставленный в деревне, всё равно бы сгорел.

Список деревень Кассиан писал сам, вечером, и против каждой ставил число: сколько копий, сколько луков, сколько ушло и сколько осталось. Против двух деревень он поставил ноль и сидел над этим дольше, чем над остальными.

Кассиан стоял на телеге у околицы Борового и говорил коротко, потому что длинные речи слушают только те, кому не надо уходить.

— Кто может идти, уходит к Ардэну. Обозами, вместе, не по одному. Скотину гнать с собой. Хлеб брать весь, до зёрен: что оставите, то найдёте потом сожжённым.

— А если мы не уйдём? — спросил староста, сухой мужик с обожжённой рукой.

— Тогда не уходите. — Кассиан помолчал. — Только яму выкопайте заранее, чтобы нам не копать.

В толпе стало тихо. Потом кто-то сказал в спину старосте, что «его милость шутит», и староста ответил, что «его милость не шутит, а просто говорит коротко».

Старуха у крайней избы сказала, что никуда не пойдёт: здесь родилась, здесь и помрёт, а Ардэн ей чужой. Кассиан не стал её уговаривать. Велел посадить на подводу и укрыть дерюгой, и старуха всю дорогу ворчала, что её везут, как мешок, и что в Ардэне, говорят, вода пахнет тиной.

* * *

Вышли на рассвете, когда туман ещё лежал в низине и стены за спиной были видны только до половины. Половина гарнизона, обоз, лучники, люди Олдрика, двадцать копий Керна и ещё кто-то, кто пристал по дороге и решил, что ему с ними по пути.

Обоз растянулся на полверсты и шёл медленно, потому что подводы были перегружены, а мужики, которые шли пешком, то и дело поправляли на плечах копья, будто те были неудобнее, чем есть.

У ворот стоял гарнизон, который оставался: две сотни с небольшим, ровным строем, и в этом строю было много седых. Они не кричали и не махали. Стоун велел им стоять до последней подводы, чтобы те, кто уходит, видели, что крепость не пустая.

Старуху с её дерюгой везли в третьей подводе. Она ворчала всю дорогу, но один раз, когда обоз встал, спросила у Тима, правда ли, что в Ардэне вода пахнет тиной, и Тим сказал, что не знает, и она осталась этим недовольна.

Стоун стоял на прясле и смотрел вниз, как смотрят хозяева, которые остаются. Кассиан поднял руку. Старик кивнул и отвернулся, будто дальше смотреть было нечего.

Ворота закрылись за последней подводой.

Дорога уходила на юг, широкая, мокрая, пустая. На ней не было ни одного вельда.

Глава 4. Долина

Перевалы шли пять дней, и все пять дней моросил дождь, мелкий и упорный, от которого плащи тяжелеют, а сёдла начинают пахнуть мокрой шерстью.

Кассиан ехал в голове колонны, потому что сзади не было видно ничего, кроме спин, а спереди хотя бы была дорога. Лиандра шла с лучниками впереди разъезда, пешком, как все, и на третий день, когда он предложил ей лошадь, посмотрела на него так, что он больше не предлагал. Гарт ругался с обозниками, с погонщиками, с собственными сержантами и один раз с мулом. Веллан трясся в четвёртой подводе на тюках с бумагами: в столицу он поедет уже из Ардэна, одному через перевалы с таким сундуком не проехать. На каждой стоянке он пересчитывал мешки с овсом, будто овёс мог сбежать.

Перевалы были не перевалы, а три ущелья подряд, и в каждом дорога шла так, что две подводы не расходились.

На подъёмах кони не тянули, и груз снимали, и тащили на руках, и потом снова грузили, и всё это делалось молча, потому что ругаться на подъёме нет сил. На спусках тормозили брёвнами, и одно бревно сорвалось и пошло вниз, и все стояли и смотрели, как оно прыгает по камням, пока оно не остановилось в речке.

Ночью ставили под скалой, где не так тянуло. Плащи не сохли, и утром их надевали мокрыми, и к третьему дню все уже пахли одинаково: мокрой шерстью, дымом и лошадьми. Мул, с которым Гарт ругался, оказался единственным, кто шёл ровно, и Гарт на него за это злился ещё больше.

На пятый день, к вечеру, вернулся Ольха.

— Две сотни, ваша милость. Может, три. — Он вытирал лицо мокрым рукавом и говорил быстро, как человек, который проскакал полдня, чтобы это сказать. — Идут на юг, не строем, но и не толпой. С обозом. Телег двадцать, не меньше.

— Хлеб? — спросил Кассиан.

— Хлеб. И скот гонят. Наш скот, я узнал корову из Ключей, у неё рог спилен.

Кассиан молчал. Позади остались Тарнхолл с двумя месяцами хлеба, деревни, из которых всё выгребли, и сорок подвод, на которых они везли свой собственный хлеб, считанный до мешка.

— Догоняем, — сказал он.

— Это приманка, — сказал Гарт.

— Слышал.

— Две сотни идут с обозом по нашей дороге и не боятся. Они хотят, чтобы мы их догнали.

— Знаю. — Кассиан повернул коня. — Ты повторяешься, Гарт.

— Я повторяюсь, потому что ты за мной не повторяешь.

— Через две недели мы начнём есть лошадей. Через три — друг друга. Я не могу оставить им хлеб только потому, что они этого и хотели.

Гарт посмотрел на него долго, потом сплюнул в грязь и пошёл поднимать людей.

* * *

Догнали к вечеру следующего дня, в логу: узкая долина, склоны в ольхе, речка по дну, мост — один, деревянный, старый, на две подводы.

Вельды бросили обоз сразу, как только увидели копья. Бросили и пошли вверх по логу, к перевалу, ровно, без паники, будто уходили по делу.

— Стоять! — крикнул Кассиан. — Обоз наш. Дальше моста не идти!

Керн не услышал. Или услышал и решил, что это относится к кому-то другому. Двадцать его копий уже шли за мост, и сам он был впереди, на гнедом, и его было видно далеко, потому что он размахивал рукой.

Керн был из тех людей, которым война кажется делом, где главное — не опоздать. Он привёл своих к сроку, он стоял впереди, он показывал рукой, куда идти, и в этом жесте было столько уверенности, что за ним пошли даже те, кто не хотел.

За мостом было пусто, и это его не насторожило: пустое место он уже признал своим, раз он туда дошёл первым.

— Керн! — ещё раз крикнул Кассиан, уже хрипло. — Там смола!

Керн обернулся. Лица его Кассиан не разглядел, только движение: он поднял руку, то ли чтобы ответить, то ли чтобы показать, что всё под контролем.

— Керн! — Кассиан рванул повод. — Назад!

Мост загорелся, когда последний из керновских копий сошёл с настила. Не вспыхнул, а именно загорелся, ровно, с двух концов, как загорается то, что полили смолой заранее и ждали.

Склоны ожили.

Стрелы пошли не залпом, а очередями, короткими, чтобы не тратить: одна, потом три, потом снова одна. Били по коням — Кассиан это понял сразу, потому что его собственный конь сел на задние ноги раньше, чем он услышал свист, и ему пришлось спрыгивать, чтобы не остаться под ним.

В логу стало тесно. Двадцать копий Керна за мостом, обозные подводы, конные, которым негде развернуться, и речка по колено, и склон, с которого бьют. Люди кричали не «вперёд» и не «назад», а просто кричали, и это было хуже любого приказа.

— К мосту! — орал Гарт. — К мосту, дурни, он горит!

Мост горел с двух концов, и по нему ещё шли, и настил под ними прогибался так, что было видно, как он играет.

Кто-то упал в воду рядом с Кассианом, и он вытащил его за ворот, и это оказался обозник, у которого в руках всё ещё была вожжа, и он не выпустил её даже в воде.

Наверх, в ольху, не стреляли: там были свои, лучники Лиандры, которые ничего не могли сделать сверху, потому что вельды стояли выше и за деревьями. Кассиан слышал, как она кричит что-то своим, и не мог разобрать слов, и потом узнал, что она кричала не стрелять, потому что внизу были уже свои.

Стрелы шли сверху, из ольхи, густо и низко, и в тесноте между речкой и склоном они находили всех, кого хотели. Кони не разворачивались. Кто-то застрял в кустах, кто-то упал в воду, кого-то придавило своим же.

— Назад! Всем назад!

Он не помнил, как вытащил своих из лога. Помнил, что Гарт держал его коня под уздцы и орал ему в лицо что-то очень грубое, и что рука у Гарта была в крови, чужой. Помнил, как мост догорал, и по нему ещё шли, и последний, кто шёл, был совсем маленький и почему-то без шлема.

* * *

Считали на привале, при двух кострах, потому что третий не разжигался.

— Сорок один, — сказал Гарт. — Не вернулся сорок один. Из них двадцать керновских. Сам Керн — там.

— Кто ими командовал? — спросил Кассиан.

— Молодой, — сказал Ольха. — В волчьей шкуре, на буром. Он их и увёл, он и мост велел жечь. Говорят, сын Бьорна. Хельгар.

Кассиан стоял и смотрел, как вносят раненых. Потом подошёл к одному, молодому, из Борового; тот лежал на плаще и держал копьё обеими руками, как держат за руку.

— Ваша милость, — сказал он. — Копьё ваше. Я не потерял.

— Вижу, — сказал Кассиан.

— Оно хорошее, — сказал Прон. — Тяжёлое только.

— Ты откуда?

— Из Борового.

— Это далеко.

— Недалеко. — Прон попробовал улыбнуться. — Мы оттуда четыре дня шли.

Он помолчал и добавил тише:

— Там теперь никого.

Кассиан хотел сказать, что там пекут хлеб и что старуха жива, но не сказал: он не был уверен, что это ещё правда.

Он умер до темноты, и Кассиан не сразу понял, что уже всё, потому что Прон всё это время держал копьё и глаза у него были открыты.

Лиандра подошла, когда его уносили.

— Я стояла на склоне, — сказала она. — Слева. Мне было видно всё, что было в логу, и я не могла достать ни одного, потому что они стояли выше и за деревьями. — Она помолчала. — Я выпустила одиннадцать стрел. Одиннадцать, Кассиан. За весь бой.

— Не начинай.

— Я и не начинаю. — Она посмотрела на него. — Я просто говорю цифру. Одиннадцать — это одиннадцать, и с этим хотя бы не поспоришь.

Она постояла ещё немного и ушла, и он слышал, как она считает шаги, потому что это единственное, что у неё получалось делать с тишиной.

Гарт не сказал ему ни слова до самой ночи. Потом, у костра, всё-таки сказал:

— Я говорил.

— Говорил.

— Завтра я скажу ещё раз. — Он подбросил в огонь ветку. — Может, тогда ты услышишь.

Сорок одного не было, и хоронить было нечего: они остались в логу, за мостом, который догорал, и до них было две версты и чужой склон.

Гарт подошёл ночью и сказал, что можно пойти и вынести хотя бы своих, что он возьмёт двадцать человек и вернётся к утру.

— Вельды ушли, — сказал он. — Там никого.

— Там могут быть не все.

— Тогда возьмём двадцать пять.

Кассиан долго молчал. Он думал о том, что двадцать пять человек ночью на чужом склоне — это ещё сорок, и что за тела платят телами, и что сказать это Гарту вслух сейчас нельзя, потому что это будет правда, а правда в эту минуту выглядела как трусость.

— Утром, — сказал он. — Со всей сотней, при свете, с обозом. Тогда это будет не вынос, а дело.

— Они там ещё двое суток лежать будут.

— Будут, — сказал Кассиан. — Если до утра пойдём без головы, будем лежать рядом.

Гарт выругался и ушёл, и вернулся через час с бочонком, и налил обоим, и пили молча, и это было единственное, о чём они договорились за весь день.

* * *

Ночью Кассиан сидел у огня, накинув на плечи мокрый плащ, и слушал, как в темноте за лошадьми кто-то тихо считает и сбивается, начинает снова и опять сбивается.

— Ты привёл силу туда, где она ничего не решает, — сказал Максим.

Голос был тихий, почти без хрипа, и от этого казался ближе, чем обычно.

— У меня не было выбора.

— Был. Ты мог не идти в лог.

— И оставить им хлеб.

— И оставить им хлеб, — согласился Максим. — И не потерять сорок одного. Хлеб стоит дешевле.

Кассиан молчал. Огонь щёлкнул, кто-то за спиной застонал во сне, и это было единственное, что звучало громче дождя.

— Вельды не воюют с тобой, — сказал Максим. — Они тебя режут по кускам и уходят. В узком месте у них всегда будет больше людей, чем у тебя поместится. Ты будешь гоняться за ними, пока не останешься с обозом и без копий.

— И что тогда?

— Тогда перестань гоняться. — Пауза. — Ты слышишь камень. Камень — это не стена. Камень — это связь: один камень держит другой, и если один поёт не так, ты слышишь это за версту. Ты умеешь так со стеной. Попробуй так с людьми.

— Люди не камни.

— Люди тоже из земли, — сказал Максим. — И ты тоже.

Кассиан закрыл глаза и попробовал. Он представил колонну: обоз, копейщиков, лучников на левом склоне, часовых у коновязи. Ничего не вышло. В голове было тихо, только дождь и чужой счёт за лошадьми.

Потом голос оборвался. Кто-то не выдержал и заплакал, коротко и зло, как плачут взрослые мужчины, когда думают, что никто не слышит.

Он стоял у огня, пока плащ не намок насквозь и не стал тяжёлым, и слушал, как за лошадьми уже не считают, а просто дышат.

— Максим.

— Я здесь.

— Я не умею.

— Умеешь. Просто пока плохо.

— А когда будет хорошо?

— Когда перестанешь спрашивать.

Кассиан поднялся, чтобы идти туда, и не пошёл. Стоял у огня и слушал, потому что ничего другого в эту ночь он сделать не мог.

Дождь шёл до утра, ровный и мелкий. За лошадьми уже не считали и не плакали: там просто кто-то дышал во сне, и это было единственное, что осталось от сорока одного, — что их место в строю ещё слышно.

Глава 5. Связь

Связь он попробовал на седьмой день, утром, когда обоз ещё стоял, а люди сушили у костров портянки и ругались на дождь.

Дождь шёл третьи сутки и уже перестал быть погодой. Он стал условием, как цена на соль: с ним считались, его вычитывали, на него закладывались. Дрова не горели, а тлели, и у костров сидели вплотную, плечом к плечу, потому что в полушаге от огня было уже не тепло. Кони стояли понурые, с мокрыми хвостами, и от них шёл пар, как от мокрой шерсти, развешанной у печи. Подводы осели в колею по ступицу.

Мортимер с утра обошёл обоз и вернулся с лицом человека, который всё посчитал и остался недоволен.

— Два колеса, — сказал он Кассиану. — Одно у Гарлана, одно у нас. Гарлановo до Ардэна дотянет, а наше надо менять сегодня, иначе завтра будем нести телегу на руках и называть это порядком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.